

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.26>

Гайкалова Наталья Ивановна

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКОГО ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ SHE (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА)

В статье рассматриваются варианты актуализации местоимения she (она) в современном англоязычном художественном дискурсе, выявляется совокупность переводческих сдвигов, которым они подвергаются при переводе на русский язык, а также исследуются причины, обуславливающие необходимость применения переводчиком данных сдвигов. Переводческие преобразования получают интерпретацию в русле когнитивно-дискурсивного подхода с учетом теории референции и рассматриваются в динамическом аспекте, то есть как способы перевода, которые могут быть использованы при работе над другими оригиналами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 327-332. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Пекарская И. В. Стилистические фигуры принципа алогизма: к проблеме дефиниции и типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 72-80.
13. Русский язык и культура речи (базовые компетенции): учебное пособие / под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 516 с.

MECHANISMS TO FORM STYLISTIC FIGURES OF ALOGISM BY DELIBERATE VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF SUFFICIENT REASON

Vol'f Olesya Aleksandrovna
Katanov Khakass State University, Abakan
oles-sya@mail.ru

The article examines the mechanisms to create stylistic figures formed according to the specific paradigmatic principle of alogism. The research is focused on the elocutives formed by deliberate violation of the logical principle of sufficient reason. The paper analyzes the correlation of the existing classifications of sophisms and logical mistakes with the types of illogical elocutives identified by the author. Relying on the research findings the author proposes the typology of stylistic figures of alogism formed by deliberate violation of the principle of sufficient reason.

Key words and phrases: alogism; principle of sufficient reason; stylistic figures; elocutive means; principles to choose linguistic/verbal means; efficient communication.

УДК 811.111:81'255

Дата поступления рукописи: 07.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.26>

В статье рассматриваются варианты актуализации местоимения she (она) в современном англоязычном художественном дискурсе, выявляется совокупность переводческих сдвигов, которым они подвергаются при переводе на русский язык, а также исследуются причины, обуславливающие необходимость применения переводчиком данных сдвигов. Переводческие преобразования получают интерпретацию в русле когнитивно-дискурсивного подхода с учетом теории референции и рассматриваются в динамическом аспекте, то есть как способы перевода, которые могут быть использованы при работе над другими оригиналами.

Ключевые слова и фразы: личные местоимения; переводческие сдвиги; переводческие трансформации; художественный дискурс; когнитивно-дискурсивный подход; английский язык.

Гайкалова Наталья Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет
propartners@mail.ru

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКОГО ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ SHE (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА)

Цель настоящего исследования – выявление транслатологического потенциала английского личного местоимения 3 л. ед. ч. *she* (она) в художественном дискурсе. В связи с этим была поставлена задача выделить и обобщить наблюдаемые переводческие преобразования, а также предложить их интерпретацию в русле когнитивно-дискурсивного подхода. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления практики перевода англоязычного художественного дискурса, а также малой изученностью семантико-синтаксических трансформаций с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода. Новизна исследования заключается в выявлении совокупности переводческих сдвигов и факторов данных преобразований при переводе английского местоимения *she* (она) на русский язык. Материалом послужили англоязычные художественные произведения конца XX – начала XXI века: роман английской писательницы Джоан Роулинг “*Career of Evil*”, опубликованный под псевдонимом Роберт Гэлбрейт [11], роман британского писателя Иэна Макьюэна “*Attonement*” [12] – и их переводы на русский язык (соответственно): «На службе зла» [3] и «Искупление» [6].

Местоимения являются языковой универсалией, обладающей предельно обобщенным значением, которое может быть дифференцировано только в контексте. Это закрытый класс слов, который в силу своей неоднородности, высокой степени абстрактности и отвлеченности их значения представляет непреходящий интерес для исследователей. С развитием когнитивного подхода в лингвистике изучение местоимений получило новый стимул благодаря их непосредственной связи с речевой ситуацией и человеком как центром коммуникации, поскольку этот класс слов соотносит высказывания с действительностью и с ситуацией, какой она представляется говорящему.

Личные местоимения являются действительными словами, связанными с актом коммуникации и его участниками. Местоимения 1 л. и 2 л. относятся к персональному дейксису, ориентированному на субъект речи (*I* (я) – всегда говорящий; *you* (ты) – слушающий, адресат), а местоимения 3 л. связаны с предметным дейксисом (*he* (он), *she* (она), *it* (оно) – предметы и лица, отличные от говорящего и слушающего). При этом

личные местоимения 3 л. могут также употребляться анафорически, то есть соотноситься со своим референтом через кореферентный элемент контекста (антецедент). Как дейктические знаки они используются в конкретных речевых актах и играют огромную роль в формировании высказывания [4, с. 49].

Художественный дискурс понимается нами как коммуникативный акт, целью которого является воздействие на духовное пространство читателя как реципиента. Коммуникантами в данном случае являются автор, порождающий дискурс и определяющий его форму, и реципиент, воспринимающий дискурс и интерпретирующий его содержание. Исследователи отмечают, что художественный дискурс может обладать некоторыми признаками других дискурсов – религиозного, идеологического, политического или дискурса бытового диалога [10]. Но существенным отличием первого является неполноценность коммуникативной ситуации, которая обусловлена двумя причинами: 1) автор отделен от своего высказывания; 2) автор создает вымышленный мир, который как будто бы выдает за фрагмент реального.

В зависимости от повествовательной формы, или типов дискурса, «вложенных» в произведение, выделяют традиционный нарратив (обычно 3-го лица с экзегетическим повествователем), свободный косвенный дискурс (роль повествователя выполняет персонаж), художественный диалог (прямая речь персонажей), а также некоторые другие виды дискурса [7, с. 205]. Несобственная прямая речь (внутренний монолог героя или передача чужой речи) является частным случаем свободного косвенного дискурса. Однако причисление текста к той или иной форме повествования условно, поскольку один тип дискурса, как правило, сменяется другим.

Каждому из данных видов дискурса свойственны свои грамматические подсистемы. Например, в традиционном нарративе отсутствуют некоторые дейктические элементы языка и существуют ограничения на типы иллокутивного речевого акта. В художественном диалоге отсутствуют многие этикетные высказывания, фатические реплики и т.п., и весь текст подвергается компрессии, приближаясь к кодифицированной грамматике нарратива. А в свободном косвенном дискурсе дейктические элементы возвращаются в распоряжение героя, заменившего повествователя.

В силу указанных причин перевод художественного дискурса, с одной стороны, представляет определенную сложность для переводчика, с другой стороны, дает возможность принимать креативные переводческие решения.

Одними из ключевых характеристик перевода являются понятия *переводческая стратегия*, *переводческий метод* (подход) и *прием* (сдвиг, трансформация). Под стратегией перевода традиционно понимается общая программа переводческих действий. Под методом перевода, вслед за А. В. Корячкиной, мы будем понимать «общий принцип переработки оригинала, который находит выражение на микротекстуальном уровне в виде совокупности переводческих приемов. Переводческий прием определяется как элементарный переводческий поступок по представлению единицы исходного сообщения в виде единицы переводного сообщения» [5, с. 80].

Теория перевода является многоаспектным знанием; И. С. Алексеева различает десять основных аспектов переводоведения, среди которых выделяются транслатология текста (теория перевода, ориентированная на текст) и процессуальная транслатология (теория процесса перевода) [1, с. 49]. Под транслатологическим потенциалом мы понимаем совокупность видов переводческих сдвигов (трансформаций), которые могут использоваться при переводе определенного класса лексических единиц. При этом переводческие сдвиги рассматриваются не в статическом плане, а в динамическом, то есть как способы перевода в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по каким-либо причинам.

Методы перевода, как правило, не используются изолированно, они могут сочетаться один с другим в процессе работы над одним переводом. Переводческие приемы также в большинстве случаев имеют комплексный характер и редко представлены в высказывании в чистом виде. Однако в настоящей статье для анализа мы будем использовать отдельно взятый переводческий прием, выделенный в тексте графически.

Выбор объекта данного исследования продиктован тем, что в системе личных местоимений английского языка местоимение 3-го лица ж. р. *she* занимает обособленное место в социолингвистическом отношении. До второй половины XX века при прономинализации одушевленных существительных существовал «уклон в сторону мужского рода» (*masculine bias*). С конца XX века ситуация изменилась [8, с. 95].

Обратимся к англоязычным словарям, чтобы уточнить особенности современной трактовки местоимения *she*.

В Кембриджском словаре *The Cambridge Dictionary* мы находим привычную трактовку, за исключением, пожалуй, пометы *old-fashioned* (устаревшее) для второго значения [2; 14]:

“*She* – *pronoun* 1. used as the subject of a verb to refer to a woman, girl, or female animal that has already been mentioned; 2. *old-fashioned* used instead of “it” to refer to a country, ship, or vehicle” [13]. / *She* – местоимение 1. используется как подлежащее при глаголе для указания на женщину, девушку или женскую особь животного, которая уже упоминалась; 2. *устаревшее* используется вместо it для указания на страну, корабль или средство передвижения (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. Г.).

Оксфордский словарь *The Oxford English Dictionary* дает следующее словарное представление:

“*She* – *pronoun* 1. third person singular used to refer to a woman, girl, or female animal previously mentioned or easily identified; 2. used to refer to a ship, vehicle, country, or other inanimate thing regarded as female; 3. used to refer to a person or animal of unspecified sex; 4. any female person; 5. West Indian her or hers; 6. Australian, NZ it (used to refer to something not usually regarded as female)” [9]. / *She* – местоимение 1. третье лицо ед. числа используется для указания на женщину, девочку или самку животного, упомянутую выше или легко идентифицируемую; 2. используется для указания на корабль, средство передвижения или другой неодушевленный объект, рассматриваемый как сущность женского пола; 3. используется для указания на человека

или животное вообще независимо от пола; 4. любая женщина; 5. вест-инд. *her* или *hers*; 6. австрал., новозел. *it* (используется для указания на что-то, обычно не рассматриваемое как женщина или особь женского пола).

Здесь привлекает внимание значение 3, которое имеет дополнительное пояснение относительно словоупотребления:

“Usage: The use of the pronoun *he* to refer to a person of unspecified sex, once quite acceptable, has become problematic in recent years and is now usually regarded as old-fashioned or sexist. One of the responses to this has been to use *she* in the way that *he* has been used, as in only include your child if you know she won't distract you. In some types of writing, for example books on childcare or child psychology, this use of *she* has become quite common. In most contexts, however, it is likely to be distracting in the same way that *he* now is, and alternatives such as ‘*he or she*’ or ‘*they*’ are preferable” [Ibidem]. / Словоупотребление: ранее принятое употребление местоимения *he* для указания на человека вообще, независимо от пола, стало спорным в последние годы и сейчас обычно воспринимается устаревшим или сексистским. Одним из проявлений реакции на это стало использование *she* там, где раньше использовалось *he*, как в случае «берите ребенка с собой только в том случае, если вы знаете, что он не будет вас отвлекать». В некоторых текстах, например в книгах по уходу за ребенком или детской психологии, такое использование стало широко распространенным. Однако в большинстве контекстов оно может быть истолковано неправильно, как это происходит с *he*, поэтому предпочтительны альтернативные варианты, такие как “*he or she*” или “*they*”.

Данный комментарий подтверждает приведенное выше утверждение о том, что в настоящее время местоимение *she* (она) занимает особое место в социалингвистическом отношении.

Англо-русские словари приводят следующие соответствия:

«*She – pers. pron.* 1. 1) она (о человеке); 2) книжн. он, она, оно (о животном, чувстве, явлении природы и т.п. при персонификации); 2. в коррелятивных местоименных сочетаниях та (которая)» [14].

«*She – pron pers.* 1) она (о существе женского пола, тж. о некоторых неодушевленных предметах при персонификации); 2) поэт. та (которая)» [2, с. 435].

Поскольку в нашей выборке явление персонификации не представлено, в рамках настоящего исследования мы считаем, что местоимение *she* имеет два словарных соответствия: 1) она; 2) та (которая).

В ходе исследования было отобрано 80 высказываний, включающих местоимение *she* (она), при переводе которых не были использованы словарные соответствия, а применялся тот или иной переводческий сдвиг. В большинстве случаев рассматриваемые нами высказывания относятся к традиционному нарративу, и при анализе примеров этот тип дискурса не будет оговариваться отдельно. В тех случаях, когда высказывания относятся к свободному косвенному дискурсу или к прямой речи персонажей, это будет указано. В данной работе используется классификация переводческих приемов, предложенная в работе А. В. Корячкиной [5, с. 80].

Проводя анализ сформированного корпуса, нам удалось выявить три основных вида сдвигов, которые мы рассмотрим ниже.

Первая группа объединяет случаи внутриразрядового сдвига, в которых суть переводческой трансформации можно представить следующим образом:

Pron_{англ.} → Pron_{русс.}, где местоимение исходного языка (ИЯ) и местоимение переводящего языка (ПЯ) относятся к одному местоименному разряду, но не являются эквивалентами.

В первом примере преобразование относится к грамматической категории числа местоимения.

“*Would she and Matthew have been getting on better if vows had been exchanged, she wondered. Would they be arguing less if a golden band was sitting beneath the sapphire engagement ring that had become a little loose on her finger?*” [11]. / «*Не факт, что они с Мэтью стали бы ближе друг другу, будь у них свидетельство о браке. Неужели они бы меньше ссорились, если бы под сапфировым перстеньком, который стал ей чуть свободен, заблестело обручальное кольцо?*» [3, с. 13].

В результате семантико-синтаксического преобразования произошла замена личного местоимения 3 л. ед. ч. *she* (она) на личное местоимение 3 л. мн. ч. *они*. Данный переводческий сдвиг осуществлен для достижения естественности звучания. Помимо этого, широкий контекст ИЯ показывает, что перед переводчиком стоит задача исключить аккумуляцию местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. в контактно расположенных высказываниях в ПЯ. По-другому дело обстоит с местоимением *они*, которое в контексте встречается значительно реже, но в данном случае участвует в лексическом повторе, придавая дополнительную экспрессивность рассматриваемому фрагменту.

В следующем случае произведена замена грамматического рода местоимения ПЯ.

“*Even writing out the she saids, the and thens, made her wince, and she felt foolish, appearing to know about the emotions of an imaginary being*” [12, р. 5]. / «*Даже выводя на бумаге всего лишь “он сказал” или “а потом”, Брайони вздрагивала, чувствуя, как глупо полагать, будто наверняка знаешь что-либо о чувствах воображаемого человека*» [6, с. 4].

В тексте оригинала местоимение *she* (она) употребляется без антецедента, в сугубо метаязыковой функции. Переводчик использует гендерный сдвиг, согласовывая грамматический род местоимения (*он*) со словосочетанием *воображаемый человек* и употребляя местоимение ПЯ референтно. По всей видимости, данное переводческое решение продиктовано стремлением избежать двусмысленности и исключить референциальную отнесенность местоимения к героине Брайони. Однако, на наш взгляд, данное решение приводит к потере в переводном тексте дополнительного смысла оригинала.

Вторая группа охватывает различные случаи межкатегориального сдвига; в ней наблюдается три вида переводческих преобразований, представленных ниже.

1. Замена местоимения на имя существительное (собственное или нарицательное)

Pron_{англ.} → Noun_{русс.}

В следующем примере произведена замена местоимения на его референт – имя собственное *Брайони*.

“But hidden drawers, lockable diaries and cryptographic systems could not conceal from Briony the simple truth: she had no secrets” [12, p. 5]. / «Но потайные ящички, запирающиеся дневники и криптографические записи, по сути, ничего не меняли: у *Брайони* никогда не было секретов» [6, с. 4].

Как правило, подобная замена в ПЯ производится для устранения аккумуляции одинаковых местоимений в одном или контактно расположенных высказываниях, поскольку в русском языке подобный повтор считается неблагозвучным и нарушающим эстетическую функцию языка.

Пример ниже является случаем замены местоимения на имя нарицательное.

“She had just managed to quell her scream by clamping her hands over her mouth...” [11]. / «Чтобы заглушить собственный крик, *девушка* зажала рот ладонями...» [3, с. 17].

Анафорическое местоимение *she* (она) в переводе заменено его антецедентом *девушка*, чтобы исключить неоднозначность интерпретации. При рассмотрении предшествующего контекста мы видим именную группу *the leg*, которая в ПЯ передана соответствием *нога*, имеющим тот же грамматический род, что и антецедент местоимения. Поскольку в русском языке за счет категории рода личное местоимение 3 л. может отсылать как к одушевленной, так и неодушевленной сущности, во избежание нежелательной двусмысленности переводчик использует не местоимение, а его антецедент.

2. Замена местоимения на словосочетание «местоимение + существительное»

Pron_{англ.} → (Pron + Noun)_{русс.}

“He was remembering the scarred leg of a child he had never forgotten... how long was it since he had seen her?” [11]. / «В памяти всплыла детская ножка со шрамом – забыть это зрелище так и не получилось... Сколько же лет назад он видел ту девочку?» [3, с. 19].

В оригинале местоимение *her* (ее) используется анафорически, а в ПЯ произведена замена на его антецедент – *девочку*. Данное преобразование выполнено по той же причине, что и в примере (4) – стремление избежать двусмысленности, в виду использования в предшествующем контексте именной группы ж. р. *детская ножка*. Добавление дейктика, указательного местоимения *ту* (*девочку*), используется для указания на отдаленность события.

3. Замена местоимения на словосочетание «существительное + существительное»

Pron_{англ.} → (Noun₁ + Noun₂)_{русс.}

“...We’d better start dragging the Thames for the rest of her” [11]. / «Внору пройтись землечерпалкой по Темзе – поискать остальные *части тела*» [3, с. 25].

В данном случае переводчик имеет дело с прямой речью персонажей. В переводе использован прием метонимического переноса «*her – части тела*» для эксплицитности высказывания, поскольку местоимение *her* является анафорическим, а антецедент местоимения в предшествующем контексте диалога персонажей был назван намного раньше.

Третья группа примеров включает случаи межуровневого сдвига при переводе местоимения *she*. В данной группе представлены два вида переводческих преобразований, которые рассматриваются ниже.

1. Нулевое соответствие

Русский язык относится к языкам, которые в силу глагольного согласования, богатой падежной парадигмы и свободного порядка слов довольно легко допускают эллипсис личных местоимений как в функции подлежащего, так и в функции дополнения. В первом случае указание на лицо осуществляет аффикс глагольного согласования, благодаря которому, в сочетании с широким контекстом, местоимение может быть восстановлено. Схему данного преобразования можно представить следующим образом:

Pron_{англ.} → (Ø + V)_{русс.}

Приведенные ниже примеры демонстрируют данный тип преобразования.

“She knew exactly what she was doing” [11]. / «И ведь [Ø] прекрасно знает, что [Ø] делает» [3, с. 14].

Здесь переводчик имеет дело со свободным косвенным дискурсом. Опускание подлежащего придает естественность звучания внутреннему монологу героини. В то же время благодаря глагольным флексиям и контексту местоимение может быть восстановлено без особых усилий. Аналогичное преобразование наблюдается и в следующем случае.

В случае нулевого перевода местоимения в функции дополнения воссоздать его из контекста удастся не всегда. Условно схема преобразования может быть представлена следующим образом:

Pron_{англ.} → Ø_{русс.}

Переводчик может прибегнуть к такому преобразованию по разным причинам: если он считает значение данной языковой единицы избыточным, неинформативным, использует в ПЯ языковую единицу с другой сочетаемостью, следует принципу экономии языковых средств или стремится достичь естественности звучания.

“...when the glass door burst open beside her” [11]. / «...сбоку [Ø] тотчас же распахнулась стеклянная дверь» [3, с. 17].

В данном примере, по-видимому, переводчик счел местоимение-дополнение неинформативным.

В следующем случае причиной преобразования является использование в ПЯ непереходного глагола *ерничать*, что исключает возможность добавления местоимения-дополнения:

“*But Matthew had imitated her...*” [11]. / «*Но Мэтью уже стал ерничать [Ø]...*» [3, с. 15].

2. Семантико-синтаксическое преобразование предикативной единицы, содержащей местоимение

Переводческий сдвиг, отнесенный к данной подгруппе, касается перестройки поверхностной структуры предикативной единицы. Сюда относятся приемы компрессии, синтаксической деривации, членения и объединения предложений. Условно данный сдвиг может быть обозначен следующим образом:

Prop_{англ.} → **Predic**_{русс.}

Например, в следующем случае использован прием компрессии.

“*She heard him ride away as she let herself inside the building*” [11]. / «*Под рев двигателя Робин отперла подъезд*» [3, с. 16].

Переводчик заменяет структуру с объектным инфинитивным оборотом на более компактную структуру простого предложения для отражения динамики действия в повествовании и естественности звучания. Кроме этого, он стремится избежать повторения местоимения *she* в контактном расположенных высказываниях.

Проблема аккумуляции данного местоимения решается и в следующем примере:

“*...and here she kept a diary locked by a clasp, and a notebook written in a code of her own invention. In a toy safe opened by six secret numbers she stored letters and postcards*” [12, р. 5]. / «*Там она хранила дневник и блокнот, исписанный лично ею изобретенным шифром. В игрушечном сейфе с шестизначным кодовым замком покоились письма и открытки*» [6, с. 4].

Переводчик прибегает к приему синтаксической деривации (изменения синтаксической роли компонента), преобразовывая дополнение в подлежащее и избегая, таким образом, повторения местоимения.

В результате проведенного исследования было установлено, что английское местоимение *she* обладает высоким транслатологическим потенциалом. В зависимости от задач и причин преобразования переводчик может использовать внутриразрядовые, межкатегориальные или межуровневые сдвиги при передаче данного местоимения на русский язык. Результаты исследования в процентном соотношении представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Вид сдвига	Сущность преобразования
Внутриразрядовый сдвиг	<i>She</i> → другое местоимение разряда личных местоимений (~4%).
Межкатегориальный сдвиг	1. <i>She</i> → имя существительное (собственное или нарицательное) (~53%). 2. <i>She</i> → местоимение + существительное (~13%). 3. <i>She</i> → существительное + существительное (~7%).
Межуровневый сдвиг	1. <i>She</i> → Ø (~15%). 2. <i>She</i> → предикативная единица (~8%).

Как показало исследование, основными причинами переводческих сдвигов являются следующие: аккумуляция местоимения *she* в одном или контактном расположенных высказываниях ИЯ; необходимость устранения двусмысленности при анафорическом использовании местоимения; стремление переводчика достичь естественности звучания высказывания или отразить динамику повествования.

Список источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. – М.: СПбГУ; Академия, 2004. 352 с.
2. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / под общ. рук. И. Р. Гальперина, Э. М. Медниковой. М.: Русский язык, 1988. Т. 2. 1071 с.
3. Гэлбрейт Р. На службе зла / пер. Е. С. Петровой. М.: Иностранка, 2016. 544 с.
4. Емельянова О. В. Актуальные проблемы теории референции. Прагматический и когнитивный аспекты: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, Филологический факультет, 2010. 120 с.
5. Корячкина А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его коммуникативно-интерпретативного перевода: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2017. 312 с.
6. Макьюэн И. Искупление / пер. И. Дорониной. М.: Эксмо; Домино, 2009. 544 с.
7. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2011. 480 с.
8. Петрова Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. М.: Академия, 2011. 365 с.
9. Definition of “SHE” in Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/she> (дата обращения: 21.01.2018).
10. Dijk T. A. van. Cognitive Processing of Literature Discourse [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Cognitive%20processing%20of%20literary%20discourse.pdf> (дата обращения: 09.01.2018).
11. Galbraith R. Career of Evil [Электронный ресурс]. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=416431&pg=1> (дата обращения: 17.12.2017).
12. McEwan I. Atonement. L.: Vintage, 2002. 351 p.
13. Meaning of “SHE” in Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/she> (дата обращения: 21.01.2018).
14. SHE [Электронный ресурс] // Англо-русский словарь В. К. Мюллера. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Mueller-term-38741.htm> (дата обращения: 21.01.2018).

**TRANSLATOLOGICAL POTENTIAL OF THE ENGLISH PRONOUN *SHE*
(BASED ON LITERARY DISCOURSE AND ITS TRANSLATIONS)**

Gaikalova Natalia Ivanovna
Saint Petersburg University
propartners@mail.ru

The article considers different variants for actualizing the pronoun “she” in the contemporary English-language literary discourse, reveals the set of translation shifts that occur in Russian translations when rendering the given pronoun and studies the reasons for the interpreter to use these shifts. Translation shifts are interpreted in line with the cognitive-and-discourse approach and the theory of reference; they are viewed in a dynamic aspect, that is, as translation methods that can be applied by translators when working on different originals.

Key words and phrases: personal pronouns; translation shifts; literary discourse; cognitive-and-discourse approach; the English language.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 23.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.27>

В данной статье рассматривается метафора как способ познания действительности и феномен человеческого – языкового – мышления, средство обозначения системы представлений и типичный троп; особое внимание уделяется вопросу о соотношении понятий «метафора» и «представление»; представление трактуется как когнитивная база и когнитивный продукт метафоризации одновременно; теоретические положения иллюстрируются примерами, извлечёнными из художественных прозаических произведений и содержащими слова со значением воспоминания/воображения.

Ключевые слова и фразы: представление; метафора в когнитивном, лингвистическом и коммуникативном (эстетическом) аспектах; соотношение понятий «метафора» и «представление»; представление в структуре метафоры; интеграция в метафоре воспоминания и воображения; метафоризация представления; лексика со значением воспоминания/воображения.

Голайденко Лариса Николаевна, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа
lngolaydenko@gmail.com

**МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ)**

Лексика со значением представления [7] обладает богатым изобразительно-выразительным потенциалом и в художественной прозаической речи активно участвует в формировании тропов. Это объясняется спецификой когнитивной категории представления, которая обеспечивает переход от чувственных форм познания действительности к абстрактным, совмещая их свойства и приобретая тем самым чувственно-наглядный характер: представление – уже не восприятие, но ещё не понятие.

Гармонизируя процессы воспоминания и воображения, соотнесённые с прошлым и будущим, представление как мыслительная операция/деятельность человека имеет своим результатом воспроизводимый или конструируемый чувственно-наглядный образ, воспринимаемый в настоящем внутренним взором / слухом / прикосновением.

Образная сущность представления, его живая – актуальная – зримость/слышимость/осязаемость в мыслях, апелляция одновременно и к чувственному опыту, и к творческим задаткам личности каузируют способность слов-носителей семантики воспоминания/воображения порождать в художественной прозе такие тропы, как эпитет, сравнение и метафора, употребление которых обусловливается стремлением автора отразить все – особенно едва уловимые – движения души и мысли литературных героев, «найти и использовать в произведении те языковые средства, которые в состоянии точно и неповторимо передать все аспекты, нюансы художественного замысла, максимально раскрыть потенциал речевого мастерства» [Там же, с. 102].

Из трёх названных ранее тропов метафора вызывает у нас особый исследовательский интерес в когнитивном, лингвистическом и коммуникативном – эстетическом – аспектах.

Не углубляясь в основательно разработанную теорию метафоры и оперируя уже известными фактами о когнитивной взаимосвязи понятий «представление» и «метафора», мы вместе с тем стремимся подчеркнуть, что представление как объект ментальной действительности человека само может подвергаться мысленной манипуляции и метафоризации: воспоминания или воображаемые картины, непосредственно включённые в процесс мышления и работу сознания, обычно индивидом анализируются, сравниваются, модально и эмоционально окрашиваются, персонифицируются, кладутся в основу более сложных чувственно-наглядных образов и умозаключений.